

Игра продолжается

Александр Паровозов

Александр Паровозов

Игра продолжается

<https://litres.ru/74348357>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вова был звездой. Двадцать лет, лучший игрок, будущее российского баскетбола. Один матч, один удар, один хруст - и всё кончилось. Десять лет он жил как тень: дворник, сигареты, пиво, балкон с видом на город, который его забыл. Он не выходил из комнаты, не отвечал на звонки, не смотрел на мяч в углу. Он просто ждал, когда всё закончится. Но однажды его ждать перестали. И он понял: игра не кончается, пока ты не решишь, что сыграл последний матч.

Александр Паравозов «Игра продолжается» - роман о том, как падать и подниматься, когда весь мир говорит, что ты уже никто.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11

Александр Паровозов

Игра продолжается

Глава 1

Глава 1. Перелом.

“Не все, что ломается, можно собрать заново.”

«Вова не знал, что этот матч станет последним. Он просто играл — как всегда, как умел, как жил.»

Раздался начальный свисток. Матч начался. Команда «Вихрь» против «Волков». С первых секунд было понятно - «Вихрь» заметно впереди. И причина была одна. Восходящая двадцатилетняя звезда российского баскетбола - Вова.

Он обводил защитников, как кегли, отдавал пасы через всю площадку, забивал с любой позиции. Каждое его движение было точным, выверенным, красивым. Он чувствовал игру. Он жил игрой.

После очередного забитого мяча Вова остановился на секунду, вытер пот со лба и посмотрел на трибуны. Там, в четвёртом ряду, сидела Даша. Она улыбалась ему, и в её глазах горел тот самый свет, который заставлял его играть ещё лучше. Вова подмигнул ей, сложил пальцы в сердечко и снова рванул в атаку. Трибуны взорвались. Даша смеялась и хлопала в ладоши.

К трём четвертям «Вихрь» вёл с отрывом в двадцать очков. Казалось, победа уже в кармане. В раздевалке тренер сказал:

- Играем в свой баскетбол. Не даём им шанса. Играем чисто, играем красиво. Заканчиваем как чемпионы.

Вова кивнул. Он чувствовал себя непобедимым. Каждое движение, каждый бросок - всё получалось. Он был на пике. Он был там, где мечтал быть.

Последняя четверть началась. Пять минут до конца матча. «Вихрь» ведёт с отрывом в двадцать очков, и казалось, что «Волки» уже сдались. Но один из них - высокий, коренастый, с холодными глазами - смотрел на Вову с такой злостью, что это нельзя было не заметить. Он ненавидел его. За то, что он был лучше. За то, что он был быстрее. За то, что он был звездой, а этот парень - всего лишь тенью на его фоне.

Вова получил мяч на своей половине. Он повёл его вперёд, чувствуя, как паркет пружинит под кроссовками. Защитник слева - ушёл в сторону. Второй - попытался перехватить, но Вова сделал ложный замах и проскочил мимо. Он видел кольцо. Три шага до штрафной линии. Два. Он поднял глаза, прикидывая траекторию броска.

И тут он услышал топот. Тяжёлый, быстрый, нарастающий. Справа, с фланга, на него нёсся тот самый коренастый игрок. Он не собирался отбирать мяч чисто. Он не собирался играть по правилам. В его глазах была только одна мысль - остановить Вову. Любой ценой.

Вова увидел его в последний момент. Он попытался уйти в сторону, сделать резкий разворот на опорной ноге. Левое колено приняло вес тела, он уже начал поворот, когда нога соперника влетела прямо в его коленный сустав. Сбоку. С хрустом. С такой силой, что сустав сложился в неестественную сторону - туда, куда колено не должно гнуться никогда.

Вова закричал. Он упал на паркет, схватился за колено, и боль, ослепительная, всепоглощающая, накрыла его с головой. Он катался по полу, сжимая зубы, чувствуя, как мир вокруг него распадается на тысячи осколков.

Раздался свисток. Судья выбежал на площадку, за ним - врачи. Они осмотрели ногу, переглянулись, и один из них сказал:

- Скорую! Срочно!

Вова слышал это сквозь туман. Он чувствовал, как его поднимают, кладут на носилки. Где-то рядом плакала Даша. Она кричала его имя. Он хотел ответить, но не мог. Сознание уходило. Он снова и снова проваливался в темноту, выныривал на секунду, видел лицо Даши, залитое слезами, и снова тонул.

Он очнулся в машине скорой помощи. Сирена завывала где-то далеко, как будто не здесь, а в другом мире. Даша сидела рядом, держала его за руку, и слёзы катились по её щекам.

- Держись, Вова, - шептала она. - Держись, пожалуйста. Я с тобой.

Он хотел сказать ей что-то, но язык не слушался. Он снова провалился в темноту.

В следующий раз он открыл глаза уже в больничном коридоре. Его везли на каталке куда-то - он видел только белый потолок, лампы, которые проплывали над головой, и мелькающие лица врачей. Он не чувствовал боли. Он не чувствовал ничего, кроме тяжести в теле и странной, пугающей пустоты.

Он снова провалился в сон. Когда он очнулся в палате, свет был белым и резал глаза. Рядом стояли люди. Он с трудом сфокусировал взгляд: хирург, тренер, его друг Сергей и Даша. Все смотрели на него, и в их глазах была одна и та же смесь - боль, страх и жалость.

Хирург тяжело вздохнул.

- Владимир, - сказал он. - У меня плохие новости.

Вова смотрел на него, ещё не понимая. Он не хотел понимать. Но хирург продолжал:

- Повреждение коленного сустава очень серьёзное. Если вы продолжите играть в баскетбол - вы рискуете навсегда остаться инвалидом. Мы сделали всё, что могли, но... вам придётся закончить. Навсегда.

Вова смотрел на него. Словно в замедленной съёмке. Он видел, как шевелятся губы хирурга, слышал слова, но они не доходили до сознания. Они были из другого мира. Не из его мира.

- Что? - прошептал он. - Что вы сказали?

- Вам больше нельзя играть, Владимир. Никогда.

Вова смотрел на него и чувствовал, как внутри него что-то ломается. Не колено. Что-то другое. То, что держало его на плаву. То, что делало его живым. Оно рухнуло. В один миг.

И он заплакал. Не сдерживаясь, не пытаясь быть сильным. Он заплакал как ребёнок, потерявший всё. Слёзы текли по его щекам, смешиваясь с потом и болью, которую он не мог унять.

Даша подошла к нему, протянула руку. Он оттолкнул её. Грубо, резко, почти с ненавистью.

- Уйдите, - сказал он. - Все уйдите.

- Вова, - начала она.

- Я сказал - уйдите! - закричал он. - Оставьте меня!

Они ушли. Все. Даша вышла последней, и он слышал, как она плакала за дверью. Он остался один. Он плакал весь день. Всю ночь. Он кричал в подушку, бил кулаками по стене, пока не сбил их до крови. Медсестра пришла и сделала ему укол. Сознание поплыло, и он уснул.

На следующий день пришла Даша. Она вошла тихо, с пакетом фруктов в руках. Она села на стул рядом с его кроватью и посмотрела на него. В её глазах была та же боль, но в ней был и свет. Свет, который он не мог погасить.

- Вова, - сказала она. - Ты как? Я тебе фруктов принесла. Яблоки, бананы. Твои любимые. Как ты? Как ты себя чувствуешь?

Вова молчал. Он смотрел в стену, в одну точку, не видя её. Он не хотел видеть. Он не хотел, чтобы она видела его таким.

- Вова, - повторила она. - Ответь мне. Пожалуйста.

Он медленно повернул голову и посмотрел на неё. Стеклянными глазами.

- Уходи, - сказал он. - Я не хочу, чтобы ты видела меня таким. Уходи. Я неудачник. Я никто. Мне нечего тебе дать.

- Вова, ты дурак, - сказала она, и голос её дрогнул. - Я люблю тебя. Я не брошу тебя, даже если ты меня выгоняешь. Даже если ты кричишь на меня. Я буду рядом.

- Нет, - сказал он тихо, но твёрдо. - Уходи.

Она не двигалась. Она смотрела на него, и по её лицу текли слёзы.

- Я уйду, - сказала она. - Но знай: я буду приходить каждый день. Каждый день, Вова. Ты не избавишься от меня.

Она встала, положила фрукты на тумбочку и вышла. Дверь за ней закрылась. Вова остался один. Он смотрел на дверь, потом перевёл взгляд на фрукты. Яблоки. Бананы. Он знал, что это были его любимые. Она помнила.

Он закрыл глаза. Через несколько минут он позвал медсестру.

- Я хочу выписаться, - сказал он. - Домой. Пожалуйста.

Врач сначала отказывался, говорил о последствиях, о восстановлении. Но Вова был непреклонен. Тогда врач согласился под ответственность родителей. Приехали мать и отец. Мать плакала так, что у неё тряслись плечи. Отец молчал. Он крутил руль и молчал, но его молчание было громче любых слов. В нём чувствовалось волнение, тревога, любовь,

которую он не умел выражать.

Они приехали домой. Вова вошёл в свою старую комнату - ту, где вырос, где мечтал, где становился собой. Он лёг на кровать, закрыл глаза и провалился в сон. Тяжёлый, густой, как бетон.

И началась новая жизнь.

Он не выходил из дома. Он не открывал дверь, когда стучали. Он не отвечал на звонки. Он отключил телефон. Он замкнулся в себе, как в тюрьме, которую сам построил. Он не хотел видеть никого. Он хотел только одного - чтобы всё исчезло. Боль, память, люди, жизнь. Всё.

Мать пыталась достучаться до него. Отец молчал. Он просто ставил еду под дверь и уходил.

А Вова лежал на кровати и смотрел в потолок. На пятно. Оно было серым и расплывчатым, как его будущее. И он не знал, что оно будет длиться десять лет.

С этого всё и началось.

Глава 2

Глава 2. Остановка.

«Иногда мы сами нажимаем на тормоз.»

Вова вышел на балкон и снова закурил. Он обещал бросить с нового года, но Новый год шёл уже пятый год подряд. Сначала он говорил себе: «С первого января». Потом: «С первого февраля». Потом: «С понедельника». Понедельники превратились в привычку, привычка - в ритуал, а ритуал - в единственное, что осталось от его воли. Теперь он даже не обещал. Он просто курил. Выдыхал дым в серое небо и чувствовал, как вместе с дымом уходит что-то ещё. Может быть, время. Может быть, жизнь. Может быть, он сам.

Неделя Вовы выглядела одинаково.

Утро. Будильник не звонит - он просыпается от того, что мать стучит в дверь: «Вова, вставай, уже девять». Он не отвечает. Лежит, смотрит в потолок, на то самое пятно, которое стало его единственным ориентиром. Через десять минут встаёт, натягивает старую рабочую одежду - синюю куртку с логотипом ЖЭКа, которую не стирал уже месяц. Она пахнет пылью, мазутом и чем-то кислым.

Он выходит из дома, идёт в парк, где смотрит на детей, играющих в баскетбол, и не может смотреть. Отворачивается.

Работа начинается в восемь, но он приходит к десяти. Начальник, дядька с вечно недовольным лицом, уже махнул на

него рукой. «Хоть приходит - и ладно», - говорит он. И платит ему копейки, которые Вова берёт, не глядя.

Он дворник. Он машет метлой, сгребает листья, собирает мусор, который оставляют люди. Он не смотрит на них, они не смотрят на него. Он - часть фона, часть улицы, часть серости, в которой он живёт. Он работает медленно, без желания, без огня. Руки делают свою работу, а голова - пуста. Как будто он разделился на две части: тело, которое ещё функционирует, и душа, которая давно умерла.

После работы он заходит в ларёк к матери. Она стоит за прилавком, и он не смотрит ей в глаза.

- Здравствуй, сынок, - говорит она.

- Привет, мам, - отвечает он, не поднимая головы. - Дай как обычно.

Она вздыхает, протягивает ему пачку сигарет и бутылку пива. Она не говорит больше ни слова. Она знает - он не слушает.

Дома он заходит в свою комнату. Садится на кровать, открывает пиво, закуривает. Делает глоток, потом ещё один, потом - затягивается дымом. Он не пьёт, чтобы напиться. Он пьёт, чтобы остановить мысли. Чтобы внутри стало тихо. Чтобы не слышать голоса, которые говорят ему: «Ты мог быть больше. Ты был больше. Ты стал никем».

Пиво кончается, и он открывает второе. Потом третье. Телефон молчит - ему никто не звонит. Друзья давно перестали писать, а он сам не набирает никого. Иногда он берёт в ру-

ки старый телефон, открывает фотографии, смотрит на себя прежнего - на того парня с горящими глазами, который улыбался в объектив, обнимал Дашу, держал в руках кубки. И тогда внутри него поднимается что-то тёмное, липкое, и он отшвыривает телефон в стену. Он больше не плачет. Слёзы кончились.

Он сидит на кровати, смотрит на пыльный мяч в углу, и в голове пустота. Он пьёт, пока не начинает клонить в сон. Он засыпает - прямо так, в одежде, с недопитым пивом в руке.

Просыпается от того, что мать стучит в дверь. Начинается новый день.

Он думал, что когда-нибудь это изменится. Он ждал, что придёт чудо. Что кто-то придёт и вытащит его из этой грязи. Но никто не приходил. А он сам не мог встать.

Иногда он вспоминал Дашу. Он вспоминал её глаза, её улыбку, её голос, когда она говорила: «Я буду приходить каждый день». Он не знал, сколько дней она приходила в больницу. Может быть, неделю. Может быть, месяц. Он не открывал дверь, а потом просто перестал отвечать на звонки. Она перестала звонить. И это было правильным - так было легче.

Балкон был его единственным выходом в мир. Он стоял там, опираясь на ржавые перила, которые помнили его ещё подростком - тогда они казались высокими, почти неприступными, а теперь едва доходили до пояса, и это было странно: как будто мир уменьшился, а он остался прежним.

Но он не остался. Он просто не заметил, как съёжился.

Город раскинулся перед ним, серый, равнодушный, занятый своими делами. Где-то там, за крышами, было место, где он когда-то был другим. Где его знали, где его имя произносили с уважением, где он входил в зал, и люди оборачивались. Теперь он стоял на балконе и дымил, и никто не оборачивался. Даже воздух проходил сквозь него, не задерживаясь.

Он докурил сигарету до фильтра, затушил о перила, бросил окурок в банку из-под горошка, которая стояла там уже месяц. Банка была почти полной. Ему казалось, что он курит одну и ту же сигарету вечность, просто она не кончается. Как его жизнь. Как его дни. Один и тот же день, повторённый тысячу раз.

Он зашёл в комнату и закрыл за собой дверь балкона, как будто запирает что-то снаружи. Может быть, надежду. Может быть, страх. Он сам не знал.

Комната встретила его привычным запахом - дым, пыль, застоявшийся воздух, который уже нечем было проветривать, потому что балкон не был окном. Балкон был чёрным ходом. А чёрным ходом не выпускают свежий воздух. Только выпускают то, что уже не нужно.

В углу под столом лежал мяч. Пыльный, сдутый, забытый. Вова смотрел на него не как на напоминание о боли - как на часть мебели. Просто предмет. Он больше не вызывал у него слёз. Он вызывал только глухую, тупую пустоту.

Он лёг на кровать - продавленный матрас, старая простыня. Руки закинул за голову. Посмотрел в потолок. На пятно. Оно было серым, расплывчатым, и в нём не было ни карты его жизни, ни надежды. Просто пятно.

Он закрыл глаза и не уснул. Он просто лежал, слушал, как тикают часы на кухне, и чувствовал, как время просачивается сквозь него, как вода сквозь решето. Он не пытался его удержать. Он вообще перестал что-либо удерживать.

Вова проснулся, сегодня его никто не будил, ведь было воскресенье. Сегодня его встретили плакаты. Старые, пожелтевшие, с баскетболистами, которые уже закончили карьеры, а некоторые - и жизни. Майкл Джордан, Шакил О'Нил, российские звёзды девяностых - их лица смотрели на Вову с высоты его собственного прошлого. Один из плакатов был разорван - по диагонали, от левого верхнего угла к правому нижнему. Вова порвал его в тот день, когда врач сказал: «Если ты продолжишь играть, ты потеряешь ногу». Он не помнил, как это сделал. Помнил только, что стоял посреди комнаты, сжимал обрывки в кулаке и не мог дышать. А потом сел на пол и заплакал, как ребёнок, и плакал долго, пока не уснул. А когда проснулся, плакат всё ещё был разорван. И он оставил его так. Как шрам. Как напоминание.

На полке стояли кубки. Три штуки - серебряные, с чернением, уже потускневшие от времени и пыли. Он не вытирал их. Не смотрел на них. Он просто знал, что они есть, и это знание было тяжелее, чем если бы их не было. Потому что

они говорили: «Ты был». А он хотел забыть, что был. Он хотел стать никем. Потому что легче быть никем, чем быть тем, кто потерял всё.

Он лёг на кровать - продавленный матрас, старая простыня, которая помнила его ещё здоровым. Руки закинул за голову. Посмотрел в потолок. На потолке было пятно - от сырости, от времени, от того, что жизнь текла где-то сверху, а он не пытался её остановить. Он смотрел на это пятно, и оно казалось ему картой. Картой его жизни. Расплывчатой, бесформенной, без дорог, без ориентиров. Просто серое пятно на сером фоне.

Он закрыл глаза и не уснул. Он просто лежал, слушал, как тикают часы на кухне, и чувствовал, как время просачивается сквозь него, как вода сквозь решето. Он не пытался его удержать. Он вообще перестал что-либо удерживать.

Через час он встал, натянул старую футболку, ту, что была ещё с тех времён, когда он носил её на тренировки, и вышел из комнаты. Прошёл мимо кухни, где отец сидел за столом с кружкой чая. Отец не обернулся. Вова не остановился. Они жили в одной квартире, но в разных мирах, и тишина между ними была тяжелее любой стены.

Он спустился вниз, к ларьку. Мать стояла за прилавком. Любовь Михайловна, пятьдесят лет, уставшая, но улыбающаяся. Она продавала сигареты, хлеб, молоко, пиво - всё, что нужно тем, кто не хочет идти в супермаркет. Она знала всех в округе: кто пьёт, кто бросает, кто плачет по ночам, а кто

притворяется, что всё хорошо. Она знала и Вову. Слишком хорошо.

Он подошёл к окошку.

- Здравствуй, сынок, - сказала она, и голос её был тихим, но не потому, что она устала, а потому, что она знала, что громкость не поможет, если он решил не слышать.

- Привет, мам, - ответил он. - Дай, как обычно.

Он протянул деньги - смятые, грязные, те, что ему запла-
тили вчера за два часа работы метлой.

Она не взяла деньги. Она просто смотрела на него. В её глазах было что-то, что заставило его отвести взгляд. Не укор. Не боль. Понимание. Хуже всего, когда тебя понимают. Потому что тогда ты не можешь притворяться, что ты не тот, кто ты есть.

- Вов, - сказала она, - ну сколько можно?

Он пожал плечами. Плечи у него были узкие, как будто он сжимался внутрь себя, стараясь занять как можно меньше места.

- Мам, не начинай, - привычно отмахнулся он.

- Я не начинаю, - сказала она. - Я заканчиваю. Я больше не могу смотреть, как ты себя убиваешь. Ты сам видишь, что с тобой происходит?

Он видел. Он видел своё отражение в запотевшем стекле ларька - бледное, опухшее, с синяками под глазами, которые не проходили даже после выходных, а выходных у него было много. Целая жизнь была одним большим выходным. Беско-

нечным, бессмысленным, серым.

- Вова, - продолжала мать, - ты же был другим. Ты помнишь? Ты был... живым.

Слово ударило его, как удар в грудь. Живым. Он помнил. Он помнил, как бежал по площадке, и ветер свистел в ушах, и сердце билось так громко, что заглушало крики трибун. Он помнил, как мяч описывал дугу, и как сетка разрежала воздух, и как он поднимал руки вверх, и чувствовал себя богом. Он помнил. Но он не хотел помнить. Потому что память была раной, которая не заживала.

- Мам, - сказал он. - Просто дай сигареты.

- Нет, - сказала она.

Он устоял на ней, не веря своим ушам. Она никогда не отказывала ему. Всегда вздыхала, качала головой, но протягивала пачку. А теперь - нет.

- Мам...

- Я сказала - нет, Вова. Хочешь - убей меня, но я не дам тебе травиться дальше. Ты не маленький мальчик, который не понимает, что делает. Ты взрослый мужчина. Ты должен...

- Что я должен? - перебил он, и в голосе его впервые за долгое время появилось что-то живое. - Что я должен, мама? Играть в баскетбол? У меня нога сломана! Работать на стройке, как папа? Чтобы меня уважали? Чтобы я стал нормальным? А если я не хочу быть нормальным? Если я хочу просто жить? По-своему!

- Ты не живёшь, - тихо сказала мать. - Ты просто суще-

ствуешь. Ты даже не пытаешься. Ты сдался, Вова. Ты сдался десять лет назад, и с тех пор ты просто ждёшь, когда всё закончится. Но жизнь не заканчивается сама. Её нужно прожить.

Он молчал. Слова застряли у него в горле, как те самые окурки, которые он не мог выплюнуть.

- Иди домой, сынок, - сказала она, и голос её дрогнул. - Иди, подумай. А если захочешь поговорить - я здесь.

Он развернулся и ушёл.

-Тьфу, все равно в другом магазине куплю, только идти дальше – пробормотал Вова. И отправился в магазин, а затем побрел домой.

Он поднялся по лестнице, прошёл мимо кухни, где отец всё ещё сидел с чашкой, и зашёл в свою комнату. Сел на кровать. Посмотрел на мяч в углу. На кубки на полке. На разорванный плакат. И почувствовал, что внутри него что-то дрожит. Что-то, что он считал умершим. Что-то, что не хотело умирать.

Он взял телефон. Старый, потёртый, с треснутым экраном. Открыл галерею. И начал листать.

Там были фотографии. Много фотографий. Смеющиеся лица, поднятые руки, раздевалка после победы, пицца на столе, Даша с её улыбкой, которая могла растопить лёд. Он остановился на одной. Они стояли на площадке, втроём: он, Сергей и Антон. Тогда они ещё были друзьями. Тогда они не знали, что жизнь - это не турнир, а одна длинная игра,

в которой можно проиграть и не подняться. Он смотрел на своё лицо - молодое, дерзкое, счастливое. И не узнавал себя.

Он листал дальше. Даша. Она держит его за руку, они сидят на трибуне, и на заднем плане - зелёное поле, солнце, люди. Он помнил этот день. Она сказала: «Я всегда буду с тобой, Вова». И он поверил. Он поверил, что это правда. А потом он выгнал её. Сказал, что она ему не нужна. Что он больше не тот, кого она любила. Что он теперь никто. Она плакала, а он стоял и смотрел на неё, и внутри него не было ничего, кроме пустоты. Потому что боль от травмы была сильнее. Сильнее любви. Сильнее всего.

Он закрыл телефон. Уткнулся лицом в стену. Стена была холодной и шершавой, и он прижался к ней, как будто хотел стать её частью. Хотел исчезнуть. Раствориться в этой штукатурке, которая помнила его ещё ребёнком. Она видела его первое падение, его первую победу, его первую любовь, его первый проигрыш. Она видела всё. И молчала. Как он.

Он не плакал. Он разучился плакать. Слёзы кончились десять лет назад, в тот самый день, когда он порвал плакат. С тех пор он только засыхал. Как река, которая ушла в песок и не вернулась.

Ночью, когда все уснули, он вышел на кухню за водой. Увидел отца. Тот сидел за столом, перед ним была кружка с остывшим чаем. Он не пил - просто держал в руках, как будто это был не чай, а его жизнь, которую он тоже не знал, что делать. Отец посмотрел на Вову, и в этом взгляде было

всё: и любовь, и разочарование, и вопрос, на который он боялся услышать ответ.

- Сядь, - сказал отец.

Вова сел. Напротив. Между ними был стол, но стена была выше. Стена из несказанных слов, из пропущенных моментов, из «как дела?», на которые никто не отвечал правду.

- Сынок, - сказал отец, и голос его был низким, как гул стройки, где он командовал сотнями мужчин. - Я тебя не понимаю.

Вова молчал.

- Я работаю с мужиками, - продолжал отец. - Строители. Грубые. Тяжёлые. Но каждый из них знает, что он делает. Каждый из них идёт к своей цели. Они строят дома. Они создают что-то из ничего. А ты? Ты что создаёшь?

- Я ничего не создаю, - тихо сказал Вова.

- Я знаю, - кивнул отец. - Я вижу. У тебя руки золотые, Вова. Я видел тебя на площадке. Ты мог бы стать лучшим. Ты мог бы... - он запнулся, подбирая слова, которые не умел говорить. - Ты мог бы стать кем угодно. А ты стал никем. Ты - сын главного мастера строительного участка. Но ты даже не взял в руки лопату. Ты отказался. Почему?

- Я не хочу быть строителем, - сказал Вова.

- А кем ты хочешь быть? - спросил отец, и в голосе его звучала не злость, а настоящая боль. - Ты вообще хочешь быть кем-то? Или ты решил, что раз у тебя колено сломалось, то и вся жизнь сломалась?

Вова не ответил.

- Ты видел мать? - спросил отец. - Она там, в ларьке, каждый день. Она продаёт сигареты, чтобы ты мог их купить. Она смотрит, как ты умираешь, и не знает, что делать. Ты хоть понимаешь, каково это? Смотреть, как твой ребёнок уходит в никуда? И не мочь ничего сделать?

- Я не просил, - сказал Вова, и голос его дрогнул. - Я не просил, чтобы вы за меня переживали.

- А я не просил, чтобы ты был таким, - ответил отец.

Они замолчали. Часы на кухне тикали - громко, навязчиво, как будто напоминали, что время идёт, а они всё ещё не двинулись с места. Отец допил остывший чай, поставил кружку на стол и встал.

- Вова, - сказал он, уже уходя. - Ты же мужик. Сделай что-нибудь. Хоть что-нибудь. А не просто жди.

Он ушёл в спальню, оставив Вову одного на кухне. Тот сидел и смотрел на остывшую кружку отца. На дне осталось несколько капель чая, как остатки недосказанных слов. Он взял кружку, поднёс к губам - чай был горьким, холодным, и в нём чувствовалась та же горечь, что и в жизни.

Вова встал, поставил кружку в раковину и вернулся в свою комнату. Лёг на кровать. Посмотрел на потолок. Пятно было на месте, большое, расплывчатое, как его будущее.

Он закрыл глаза. В голове крутились слова отца: «Ты же мужик. Сделай что-нибудь». Матери: «Ты был живым». И Даши. Даша говорила: «Я всегда буду с тобой». А он выгнал

её. Потому что боялся, что она увидит, кто он на самом деле. Не тот, кем был. А тот, кем стал. Пустым. Сломанным. Никчемным.

Но что-то в этот раз было иначе. Что-то изменилось. Не снаружи - внутри. То, что он считал мёртвым, вдруг зашевелилось. Как будто где-то далеко, в глубине, зажглась искра. Слабая, почти невидимая. Но она была. Она горела. И он не знал, что с ней делать. Он боялся, что если он попытается её раздуть - она погаснет. Потому что так было всегда. Каждый раз, когда он пытался надеяться, реальность говорила: «Нет, не сегодня».

Но сегодня реальность молчала. Вова закурил прямо в комнате, и задумал над словами родителей, когда он докурил, то лег на кровать.

Вова повернулся на бок, уткнулся носом в подушку, и наконец-то уснул. Ему приснилась баскетбольная площадка. Полная людей. Они кричали, махали руками, и солнце светило так ярко, что слепило глаза. Он стоял в центре, с мячом в руках, и чувствовал себя живым. По-настоящему живым. А когда он проснулся, за окном было утро, и впервые за долгое время он не захотел курить.

Он просто лежал и смотрел в потолок. На пятно. Оно больше не казалось картой его жизни. Теперь оно казалось просто пятном. И он понял, что может его отмыть. Или хотя бы попробовать.